

Всемирная история

Жозеф-Франсуа Мишо

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ



Всемирная история (Вече)

Жозеф Франсуа Мишо

История Крестовых походов

«ВЕЧЕ»

1840

Мишо Ж.

История Крестовых походов / Ж. Мишо — «ВЕЧЕ»,
1840 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8514-5

Трехтомная «История Крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо (1767–1839) еще при жизни автора заслужила репутацию классической. Мишо сумел с подлинным мастерством художника представить широкую панораму религиозных войн XI–XIII вв. и сделал это настолько объемно и впечатляюще, что и сегодня, в обстановке нового тура религиозно-этнических катаклизмов, его книга не утратила актуальности. В предлагаемом переводе учтены изъязыны предыдущих переводов и сделана попытка при значительном сокращении текста сохранить все особенности незаурядного таланта автора. Книга снабжена приложениями, подготовленными Ж.-Ф. Мишо и «Картой Крестовых походов», составленной переводчиком.

ISBN 978-5-4484-8514-5

© Мишо Ж., 1840

© ВЕЧЕ, 1840

Содержание

Предисловие	6
Книга I. Рождение идеи (300—1095)	7
Книга II. Первый крестовый поход: через Европу и Малую Азию (1096—1097)	13
Книга III. Первый крестовый поход: Антиохия (1097—1098)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Жозеф-Франсуа Мишо

История Крестовых походов

Знак информационной продукции **12+**

© Левандовский А.П., наследники, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

История Средних веков не знает эпопеи более величественной, чем походы, предпринятые для отвоевания Святой земли. Народы Азии и Европы, вооруженные друг против друга, две религии, сражаясь, оспаривали мировое господство, Запад, разбуженный мусульманами и вдруг обрушившийся на Восток, – какое зрелище! Люди, забыв о частных интересах, видят одну лишь землю, один лишь город, манящий Великой Святыней, и готовы путь свой к нему омыть кровью и усыпать развалинами. В этом грандиозном порыве высокие добродетели смешались с низменнейшими пороками. Воины Христовы презрели и голод, и непогоду, и козни врагов; ни смертельные опасности, ни внутренние противоречия поначалу не сломили их твердости и терпения, и цель, казалось, была достигнута. Но дух раздора, соблазны роскоши и восточные нравы, непрерывно снижая мужество защитников Креста, в конце концов заставили их забыть предмет священной войны. Царство Иерусалимское, руины которого они с такой яростью долго оспаривали, превращается в фикцию. Вооружившиеся ради наследия Иисуса Христа крестоносцы прельщаются богатствами Византии и разграбляют столицу православного мира. С той поры Крестовые походы радикально меняют характер. Лишь малое количество христиан продолжают отдавать кровь за Святую землю, основная же масса государей и рыцарей внимает только голосу алчности и честолюбия. Этому содействуют и римские первосвященники, гася прежний пыл крестоносцев и направляя их против христиан и своих личных врагов. Святое дело превращается в междоусобия, в которых равно поруганы и вера, и человечество. В ходе всех этих дрызг высокий энтузиазм постепенно угасает, и все запоздалые попытки снова его разжечь оказываются безрезультатными.

Нас спросят, в чем же смысл Крестовых походов и была ли эта вековая борьба справедливой? Здесь все обстоит непросто. Крестовые походы вдохновлялись духом веры и воинственности, равно характерных для средневекового человека. Бешеная алчность и набожная горячность были двумя господствующими страстями, которые постоянно подкрепляли одна другую. Соединившись, они открыли священную войну и вознесли в высочайшую степень мужество, твердость и героизм. Некоторые писатели видели в Крестовых походах лишь жалкие порывы, не давшие ничего дальнейшим столетиям; другие, напротив, утверждали, что именно этим походам мы обязаны всем благам современной цивилизации. И то и другое весьма спорно. Не думаем, чтобы священные войны Средневековья произвели все зло или все добро, им приписываемые; нельзя не согласиться, что они были источником слез для поколений, которые их видели или приняли в них участие; но подобно бедам и бурям обычной жизни, которые делают человека лучшим и часто способствуют успехам его разума, они закалили опыт народов и, пошатнув общество, создали ему в конечном итоге большую стабильность. Эта оценка представляется нам наиболее беспристрастной и вместе с тем весьма обнадеживающей для настоящего времени. Наше поколение, над которым пронеслось столько страстей и бурь, которое претерпело столько бедствий, не может не порадоваться, что Провидение иной раз использует великие перевороты, чтобы вразумить людей и утвердить в будущем их благоразумие и благосостояние.

Книга I. Рождение идеи (300—1095)

300–605 гг.

С незапамятных времен устремлялись христиане к своей великой святыне – Гробу Господню. В IV веке поток их значительно возрос. Император Константин Великий, сделав новую религию дозволенной, а затем и господствующей, воздвиг в ее честь множество храмов, освящение же церкви Святого Гроба превратилось в народное торжество. Верующие, собравшиеся со всех концов Восточно-Римской империи, вместо темной пещеры увидели прекрасный мраморный храм, вымощенный блестящими камнями и украшенный стройной колоннадой. Безрассудная попытка императора Юлиана вернуться к язычеству лишь усилила движение людей к святым местам. История сохранила ряд имен выдающихся паломников IV века, среди которых были Евсевий Кременский, святой Порфирий, епископ Газы, святой Иероним, изучавший в Вифлееме древнехристианские тексты, а также две женщины из рода Гракхов – святая Паола и дочь ее Евстахия, чьи погребения расположены рядом с могилой Иеронима, близ места, где новорожденный Христос некогда лежал в яслях.

Великое переселение народов в V–VI веках направило в Иерусалим новые массы христиан, на этот раз – с запада. Они шли из Галлии и Италии, с берегов Сены, Луары и Тибра. Завоевания персидского царя Хосрова чуть было не прервали этот поток, но византийский император Ираклий после десятилетней борьбы отвоевал Палестину и вернул реликвии, захваченные персами; босым прошел он по улицам Иерусалима, неся на плечах до самой Голгофы Святой Крест, отобранный у варваров, и шествие это стало праздником, который Церковь отмечает и поныне. Святой Антонин, посетивший Иерусалим в конце IV века, оставил заметки, из которых следует, что в те беспокойные для Европы годы Палестина наслаждалась миром, словно вновь превратившись в Землю обетованную. Но это продолжалось недолго.

Из хаоса религиозных и политических смут, колебавших Аравию, вышел человек смелых мыслей, провозгласивший новую веру и новое царство. То был Мухаммед, сын Абдуллы из племени курейшитов. Он родился в Мекке в 570 году. Одаренный пылким воображением, твердым характером и знанием своего народа, он, в прошлом бедный проводник верблюдов, сумел подняться до степени пророка. Коран, на сочинение которого он затратил двадцать три года, хотя и проповедовал высокую нравственность, но обращался и к самым грубым страстям, суля убогим обитателям пустыни обладание всем миром. В сорокалетнем возрасте Мухаммед начал проповедь в Мекке, но спустя тринадцать лет вынужден был бежать в Медину, и с этого бегства (хиджры) 16 июля 622 года началась мусульманская эра.

650–800 гг.

Спустя десять лет пророк умер, успев овладеть всей Аравией. Его завоевания продолжали Абу-Бекр, тесть Мухаммеда, и Омар, покоривший Иран, Сирию и Египет. При Омаре после четырехмесячной осады пал Иерусалим. Приняв ключи от покоренного города, халиф повелел на месте храма Соломона воздвигнуть мечеть. Христианских обрядов в священном городе мусульмане на первых порах не запретили, но во многом их ограничили, лишив былого великолепия, публичности и колокольного звона. После смерти Омара положение христиан в Палестине стало резко ухудшаться – начались гонения и погромы. И только в правление Харуна ар-Рашида, знаменитого халифа из дома Аббасидов, наступило временное облегчение.

800—1095 гг.

В те годы на Западе царствовал Карл Великий, создавший огромную франкскую империю. Между ним и багдадским халифом установились добрые отношения. Обмен посольствами и подарками завершился многозначительным актом – Харун послал в дар Карлу ключи от Иерусалима. По-видимому, император франков стремился использовать сложившуюся ситуацию: ему приписывают ряд мер в защиту паломников и, в частности, основание для них специального странноприимного комплекса в Иерусалиме. Монах Бернар, посетивший Палестину в конце IX века, подробно описал это диво, состоявшее из двенадцати строений гостиничного типа, обрабатываемых полей, виноградников и даже библиотеки, – Карл был радетелем христианского просвещения. Ежегодно 15 сентября в городе открывалась ярмарка, которую посещали купцы из Пизы, Генуи, Амальфи и Марселя, имевшие конторы в Палестине. Так, паломничество к Гробу Господню стало сочетаться с торговыми операциями развивающихся европейских городов. К этому добавлялись и поездки-покаяния, назначаемые церковными властями за грехи и преступления, совершенные христианами в Европе. Все это содействовало сближению между верующими Востока и Запада.

Падение Аббасидов привело мусульманский мир к ослаблению и распаду. Византийские императоры Никифор Фока, Ираклий и Цимисхий попытались было этим воспользоваться, но образовавшийся в Египте сильный халифат Фатимидов парализовал их усилия, и Палестина осталась за мусульманами. Гонения на христиан особенно ужесточились при халифе Хакеме. Папа Сильвестр II, побывавший в Иерусалиме, поведал об этих бедствиях (986), чем вызвал волнение в Европе и даже попытку морской экспедиции Пизы, Генуи и Арля к берегам Сирии: эта акция оказалась, однако, бесполезной и лишь ухудшила положение христиан Палестины.

Современные хроники красочно описывают бедствия Святой земли. Религиозные церемонии и обряды здесь были полностью запрещены, церкви превращались в конюшни, храм Святого Гроба подвергся осквернению и разгрому. Христиане покидали Иерусалим. Все эти известия порождали мистические настроения у европейцев. Все чаще говорили о знамениях: в Бургундии выпал каменный дождь, на небе виделись кометы и падающие звезды, повсюду нарушались обычные явления природы, словно намекая на еще большие бедствия в будущем. В конце X века определенно ждали светопреставления и Страшного суда. Мысли всех были обращены к Иерусалиму, и путь странствия туда стал как бы путем Вечности. Богатые, ничего не ожидая в этом мире, усилили благотворительность, и дарственные грамоты их обычно начинались словами: «Так как приближается конец мира...» или «Убоявшись наступления Суда Божия...». Когда умер жестокий Хакем и его преемник Захир разрешил христианам восстановить поруганный храм, византийский император не пожалел средств, щедро предоставленных для покрытия издержек.

В XI веке призеры странствий к святым местам встречаются значительно чаще, чем в предшествующем столетии. В качестве покаяния и искупления грехов тысячи людей устремляются в Палестину. Любовь к благочестивым странствиям становится привычкой, законом. Посох странника теперь виден в руке и нищего, и богача. Старание ли избежать опасности или преодолеть трудности, исполнение ли обета или простого желания – все служит поводом покинуть домашний очаг и устремиться в неведомые страны. Путник, отправляющийся в Иерусалим, превращался при этом в сакральную особу – его отбытие и благополучное возвращение обычно становились как бы церковным праздником. Каждая христианская страна на его пути должна была брать его под охрану и защиту, предоставляя широкое гостеприимство. И результатом всего этого стало снова резко умножившееся число приезжих богомольцев в Иерусалиме; особенно много собиралось их на Пасху – всем хотелось увидеть священный огонь, зажигаю-

щий светильники у Гроба Господня. Приведем лишь несколько наиболее ярких примеров из числа известных паломничеств и религиозных экспедиций XI века.

Фульк Черный, потомственный граф Анжу, невоздержанный на убийства (в числе прочих и собственной жены), отмаливая свои грехи, трижды ходил в Иерусалим и умер в Меце в 1040 году, по возвращении из третьего путешествия.

Роберт Нормандский, отец Вильгельма Завоевателя, заподозренный в отравлении родного брата, чтобы снять с себя подозрение (или вымолить прощение), также побывал в Иерусалиме, где прославился щедрой милостыней. Перед смертью, которая произошла в Никее, он сожалел лишь о том, что не пришлось окончить жизнь близ Гроба Господа своего.

В 1054 году Литберт, епископ Камбре, направился в Иерусалим во главе трех тысяч паломников из Фландрии и Пикардии. Но епископу не повезло: до Палестины он не добрался. Его «войско Божие» (так называют отряд летописцы) в основном погибло в Болгарии, частью от голода, частью от рук местного населения; с немногими из оставшихся спутников Литберт достиг Сирии, после чего был вынужден вернуться в Европу.

Более удачливым оказался другой отряд паломников, предводительствуемый архиепископом Майнцким и отбывший с берегов Рейна в 1064 году. В этом походе участвовало до семи тысяч христиан; значительной их части довелось добраться до цели, и патриарх Иерусалима торжественно встретил пилигримов, почтив их звуками литавр.

В числе других путешественников к святым местам, совершавших свои вояжи в это же время, можно упомянуть еще Фридриха, графа Верденского, Роберта, графа Фландрского, и Беранже, графа Барселоны; есть сведения, что даже представительницы слабого пола не уклонялись от благочестивых путешествий подобного рода.

Между тем новые бедствия и самые жестокие гонения ожидали паломников и христиан Палестины. Азия в очередной раз собиралась сменить повелителей и трепетать под новым игом. Турки, вышедшие из-за реки Оксы, овладели Персией, избрали себе вождя в лице храброго и честолюбивого Тогрул-Бека, внука Сельджука, по имени которого в дальнейшем сами стали называться, и приняли веру Мухаммеда. Тогрул, объявивший себя хранителем веры пророка, вмешался в дела распадавшегося Багдадского халифата. Он разгромил непокорных эмиров, и халиф, превратившийся в его марионетку, провозгласил священные права Тогрул-Бека на созданную им империю. В знак владычества над Востоком и Западом новый повелитель опоясался двумя мечами и надел на голову две короны. При преемниках Тогрула, Альп-Арсалане и Малик-Шахе, семь ветвей династии Сельджука разделили между собой империю, что, впрочем, не ослабило их завоевательского пыла. Вскоре сельджуки добрались до берегов Нила, попутно овладев Сирией и Палестиной. Подвергнув полному разгрому Иерусалим, завоеватели не пощадили ни христиан, ни арабов: египетский гарнизон был изрублен, церкви и мечети разграблены, Святой город буквально плавал в крови мусульман и христиан. Последним довелось понять, что бывают времена и худшие, чем царствование жестокого Хакема: теперь у них отнимали не только имущество и веру, но и саму жизнь.

В то время как одна из ветвей сельджуков разоряла Сирию и Палестину, другая, руководимая Сулейманом, племянником Малик-Шаха, проникла в Малую Азию, и вскоре значительная часть Византийской империи попала в ее руки. Черное знамя пророка было водружено на стенах Эдессы, Икония, Тарса, Никей и Антиохии. Столицей государства сельджуков в Малой Азии стала Никея – тот самый город, где некогда первый Вселенский собор провозгласил Символ христианской веры.

Никогда Византия не знала врагов более безжалостных и свирепых. Кочевники, для которых отечество было там, где торжествовало их оружие, с легкостью переносившие голод и жажду, страшные даже в бегстве, были неумолимы в победах – области, по которым они прошли, превращались в безлюдные пустыни.

Чувствуя свою полную беспомощность перед лицом подобного врага, константинопольские императоры обращали взор на Запад. Взывая к европейским государям и папе, они обещали содействовать воссоединению православной веры с католической, лишь бы латиняне пришли к ним на помощь. Подобные призывы не могли оставить римских первосвященников безучастными. Григорий VII, знаменитый папа-реформатор, ухватился за поданную идею. Человек энергичный и предприимчивый, он начал возбуждать единоверцев, обещая даже стать во главе их с целью похода против мусульман. На призыв воинственного папы откликнулись пятьдесят тысяч энтузиастов, однако поход все же не состоялся: внутренние распри и борьба с германским императором поглотили все силы Григория VII, не оставив места для реализации палестинских замыслов. Но идея не заглохла. Преемник Григория, более благоразумный Виктор III, уже не обещая личного участия в походе, призвал к нему всех верующих, гарантируя за это полное отпущение грехов. И жители Пизы, Генуи, а также других городов Италии, страдавших от морских набегов мусульман, снарядили флот, отбывший к африканскому побережью. Битва оказалась жестокой, множество сарацин¹ было перебито, и полностью сожжены два их города в районе Карфагена. Но то был всего лишь эпизод, не оставивший больших последствий.

Нет, не папа римский, а другой, совсем простой человек, нищий отшельник оказался способным поднять знамя священной войны. То был Петр по прозвищу Пустынник, родом из Пикардии, затворник одного из самых суровых монастырей Европы. Человек невзрачный и низкорослый, он обладал горячностью апостола и твердостью мученика. В поисках удовлетворения для своей жаждущей, тревожной души он покинул обитель, чтобы своими глазами узреть святые места. Голгофа и Гроб Спасителя воспламенили его воображение; зрелище страданий палестинских братьев возбудило его негодование. Вместе с патриархом Симоном оплакал он бедствия Сиона и тяжкую участь поработенных единоверцев. Патриарх вручил отшельнику письма, в которых умолял папу и светских государей о помощи; Петр обещал не забыть увиденного и доставить письма по назначению. Он сдержал слово. Из Палестины направился он в Италию и в Риме, упав к ногам папы Урбана II, возвал именем всего страдающего христианства, умоляя оказать содействие в борьбе за Святую землю. Папа был лишь первым адресатом Пустынника. Выйдя из Рима, босоногий, в рубище и с непокрытой головой, Петр, не выпуская распятия из рук, двинулся в долгий путь. Из страны в страну, из области в область, из города в город медленно двигался он на своем сером ослике, проповедуя на улицах и площадях, ведя долгие рассказы об увиденном и прочувствованном. Его красноречие потрясало людей, экзальтировало умы, трогало сердца, и голосу его отвечали десятки тысяч голосов. Верующие считали счастьем дотронуться до его ветхой одежды или отщипнуть клочок шерсти от его осла; слова Пустынника повторяли повсюду и сообщали тем, кто не мог его лично услышать.

Радения Петра подкреплялись новыми воплями из Византии. Император Алексей Комнин направил послов к папе, умолял о помощи. К европейским государям он посылал слезные письма, в которых между прочим делал весьма соблазнительные посулы. Расписав великолепие и богатства Константинополя, он предлагал свои сокровища баронам и рыцарям в награду за их поддержку и даже приманивал их красотой гречанок, любовь которых станет наградой за подвиги их избавителей. Можно представить, какой эффект производили подобные обещания!..

1095 г.

В 1095 году был созван собор в Пьяченце. На него прибыло многочисленное духовенство – более двухсот архиепископов и епископов, четыре тысячи священников и монахов и

¹ Сарацинами (по имени одного из племен Аравии) христианские источники называли всех арабов или даже всех мусульман, вне зависимости от их этнической принадлежности; соответственно всех европейцев на Востоке именовали франками.

тридцать тысяч лиц светских, в числе которых полномочные послы византийского императора Алексея, спешившие поведать о бедствиях христианского Востока. Но в Пьяченце так ничего и не решили. Папа не смог найти общего языка с итальянцами, поглощенными своими внутренними делами, и решил перенести собор в другую страну, во Францию, настроения которой давали больше шансов на успех.

Новый собор открылся в том же 1095 году в городе Клермоне, в Оверни. Вопрос об Иерусалиме был десятым по счету среди проблем, поднятых Святыми Отцами. Он обсуждался на главной площади города, до отказа переполненной людьми. Первым выступил Петр Пустыжник; голос его дрожал от слез, но слова били подобно ударам тарана. Призыв отшельника немедленно подхватил папа. Он вещал с высокого престола, воздвигнутого в центре площади, и речь его была слышна повсюду. Урбан начал с того, что описал позорное положение детей Христовых под гнетом неверных; он предупредил: поработив до конца Восток, нехристи возмущаются и за Европу – угрозы их уже слышны и кое-где претворяются в жизнь. В подобных условиях молчать и выжидать – значит предавать самих себя и Бога Живого. Но как послужить Ему? Только делом, только мужеством, только омывшись в крови неверных!.. За этими возвышенными призывами следовали более прозаичные, но весьма уместные и всеми правильно понятые добавления. Урбан II принимал на себя руководство организацией похода и обещал важные льготы будущим воинам Божьим, в том числе отмену их долгов и заботу о семьях, оставшихся в Европе.

Речь папы неоднократно прерывалась взрывами пламенного энтузиазма. Перед благородными и бескорыстными душами намеки Урбана открывали Царство Небесное, перед честолобивыми и алчущими благ материальных – царство земное. И подобно грому огласил площадь Клермона тысячеустый крик, вырвавшийся из сердец несметной толпы: «На то Божья воля! Так хочет Бог!..»

Тут же, в Клермоне, люди давали торжественные клятвы и нашивали на свои одежды красный крест; отсюда и пошло имя «крестоносцы» и название их миссии – «Крестовый поход».

Новоявленные крестоносцы просили Урбана быть их предводителем; но папа, занятый европейскими делами, отказался, поставив вместо себя епископа Адемара Дюпюи, первым выразившего желание ступить на «путь Божий».

Возвратившись с собора, епископы стали поднимать народ в своих епархиях. Урбан лично объездил многие провинции, попутно созывая кратковременные соборы в Руане, Туре и Ниме. Вскоре из Франции идея перебросилась в Англию, Германию и Италию, затем проникла и в Испанию. Весь Запад облетели слова: «Недостоин Его тот, кто не возьмет креста Его и не грядет во след Ему!»

Подобным настроениям способствовала крайне тяжелая жизнь тех времен. Простые люди недаром ждали конца света. Повсюду господствовало крепостное рабство. Неурожайные годы следовали один за другим. Голод усугубляли грабежи, этот вечный бич земледелия и торговли. Жители сел и городов без сожаления покидали землю, которая не могла их прокормить и предоставить элементарной безопасности, покидали тем охотнее, что церковь за участие в походе снимала с них кабалу, задолженность и налоги. К беднякам присоединялись и всякого рода темные личности: надежда на легкую поживу, природная склонность к разбою и полная уверенность в безнаказанности были для них лучшим стимулом взять крест.

Многие вельможи собрались в поход, чтобы не утратить власть над подданными. Все они имели массу грехов для омовения в водах Иордана, но при этом все надеялись на богатую добычу. Даже самые мелкопоместные из числа рыцарей рассчитывали стать князьями в Святой земле. Пример подавали епископы, не скрывавшие надежд на новые епархии в Азии и на солидные куши от Восточной церкви.

И все же глубоко обманулся бы тот, кто пожелал увидеть лишь эти материальные стимулы в основе всего движения. Определяющую роль в подготовке похода несомненно сыграл религиозный энтузиазм, многократно усиленный Церковью.

Во все времена обычные люди следуют своим естественным склонностям и повинуются в первую очередь голосу собственной пользы. Но в дни, о которых идет речь, все обстояло иначе. Подготовленная паломничеством и религиозными испытаниями прежних столетий, набожная горячность становилась слепой страстью, и голос ее оказался сильнее всех остальных страстей. Вера словно бы запрещала защитникам своим видеть иную славу, иное блаженство, чем те, которые сама представляла распаленному их воображению. Любовь к родине, семейные связи, нежные привязанности – все жертвовалось идее, пронзившей вдруг сердце христианской Европы. Умеренность казалась малодушием, хладнокровие – изменой, сомнение – святотатством. Подданные больше не признавали государей, земледельцы и ремесленники расставались с полями и мастерскими, монахи оставляли обители, затворники покидали леса, разбойники и воры выползали из своих нор, и все устремлялись к Земле обетованной. Чудеса и видения умножились; наблюдали даже тень Карла Великого, призывавшего христиан к битве с неверными...

Клермонский собор назначил отбытие на праздник Успения Богородицы. Всю зиму с 1095 на 1096 год велась подготовка. С наступлением весны из многих мест тронулись в путь. Большинство шло пешком, некоторые ехали в телегах, другие спускались на лодках вниз по рекам и далее плыли вдоль морского побережья. Скопище крестоносцев представляло пеструю смесь людей всех возрастов, видов и состояний; между мужчинами проглядывали вооруженные женщины, суровый отшельник шел рядом с бандитом, отцы вели за руку юных сыновей. С беспечностью шли они, уверенные, что Тот, Кто питает птиц небесных, не даст воинам Христовым умереть с голоду. Наивность их была поразительной. Завидев вдали город или замок, сии дети природы спрашивали: «А не Иерусалим ли это, который мы ищем?» Впрочем, их вожаки, представители знати, многие из которых раньше не выезжали за пределы своих владений, знали не больше своих подопечных. Но в отличие от бедняков они везли с собой изрядный багаж, в состав которого входили принадлежности рыбной ловли и охоты, своры борзых и соколы, парадные костюмы и запас отменной пищи, – надеясь дойти до Иерусалима, они думали удивить Азию своим показным великолепием и довольством...

В этом сборище одержимых не нашлось ни одного сколь-либо разумного человека – никто из них всерьез не задумался над будущим, никто даже не удивился тому, что теперь так изумляет их потомков...

Книга II. Первый крестовый поход: через Европу и Малую Азию (1096–1097)

1096 г.

Учитывая численность будущих армий, князья и полководцы, собиравшиеся их возглавить, договорились не выступать всем сразу и двигаться по различным дорогам, с тем чтобы соединиться в Константинополе.

Но нетерпение простолюдинов, вдохновленных проповедями Петра Пустынника, было столь велико, что, избрав проповедника своим вождем, они тут же поднялись с берегов Мааса и Мозеля, и вскоре число их достигло сотни тысяч. Эта импровизированная армия, в состав которой наряду с мужчинами входили женщины и дети, была разделена на два отряда. Тот, которым предводительствовал Петр, остался в арьергарде. Снявшийся же с места немедленно получил вожакom заместителя Петра, рыцаря Вальтера, с характерным прозвищем Голяк. Только у этого нищего рыцаря и семерых его помощников было по коню; остальные шли пешком. И поскольку манна не упала им с неба, воинам Христовым пришлось питаться сначала подаванием, а затем и грабежом. Пока они проходили через Францию и Германию, местное население, проникнутое идеей похода, кое-как их снабжало. Однако когда, двигаясь вдоль Дуная, они приблизились к Венгрии, положение изменилось. Венгры, еще недавно дикие язычники, опустошители Запада, хотя теперь и были христианами, но к призыву папы отнеслись холодно, а к ордам бедняков, непрошенно вторгшихся на их территорию, – враждебно. Еще хуже получилось в Болгарии. Поскольку голод, терзавший крестоносцев, оказался сильнее благочестивых помыслов, они в поисках продовольствия разбредлись по деревням и, не ограничиваясь мародерством, убили нескольких поселян, пытавшихся им противиться. Тогда болгары взяли за оружие. Напав на грабителей, они многих перебили; сто сорок крестоносцев пытались укрыться в церкви, где были заживо сожжены; остальные спаслись бегством. Только под Ниссой местный градоправитель сжалился над ними и приказал дать им хлеб и одежду. После этого без дальнейших злоключений армия Вальтера Голяка прошла через Фракию и приблизилась к Константинополю, где стала дожидаться отряда Петра Пустынника.

С ним обошлось все значительно хуже. Пламенный проповедник оказался ничемным стратегом. На границе Венгрии он узнал о бедах своего авангарда и решил отомстить болгарам. В результате крестоносцы перебили более четырех тысяч мирных граждан. Этот «подвиг» дорого им обошелся. Под Ниссой болгары разбили их наголову, причем в руки победителей попал весь обоз побежденных – их жены и дети, лошади, шатры, казна. Спасаясь от смертоносного оружия, крестоносцы разбегались кто куда. С большим трудом проповеднику удалось сохранить около пятисот воинов, к которым, правда, в последующие дни стали присоединяться толпы беглецов, вновь составив многотысячную армию, но армию, утратившую весь свой боевой задор. Печальная и обескровленная, отказавшаяся от дальнейших эксцессов, кое-как прозябая за счет скудной милостыни, она все же добралась до Константинополя и под его стенами воссоединилась с отрядом Голяка.

Византийцы с презрением взирали на массу голодных и оборванных пришельцев, втайне радуясь храбрости своих постоянных врагов – болгар. Тем не менее император Алексей Комнин счел за лучшее принять Петра Пустынника, приказал раздать его армии хлеб и деньги и посоветовал не начинать военных действий против мусульман, не дождавшись военных руководителей. Совет был благоразумным, но армия Пустынника им не воспользовалась.

Между тем с Запада шли новые толпы, и все это, как правило, были подонки общества. Междоусобия, мутившие Европу, непрерывно увеличивали число бродяг и авантюристов, вскормленных разбоем и сделавшихся кошмаром для населения. Большинство их охотно при-

няло крест, что и определило многие из последовавших событий. Так, отряд с берегов Рейна и Мозеля, собравшийся под началом священника Готшалка, преданся неистовым грабежам в той же Венгрии, за что и был полностью уничтожен по приказу венгерского короля. Подобная же участь постигла и «войско» некоего графа Эмихо, решившего новым изуверством загладить распутство юности. Этот «вождь» внушал своим подопечным: к чему идти так далеко ради защиты Гроба Господня от мусульман, когда здесь рядом находится народ, распявший Иисуса Христа? Используя вековую ненависть низов к евреям, играя на зависти к иудейским купцам и ростовщикам и уверяя, будто «христубийцы» злорадствуют по поводу неудач крестоносцев, Эмихо стал инициатором целой серии погромов, прокатившихся по городам Мозеля и Рейна. Свирепая толпа убивала всех евреев, которых встречала на пути. Многие из несчастных, не желая погибать от рук злодеев, кончали жизнь самоубийством. Тщетно духовные власти пытались унять расходившихся «воинов Христовых» и открывали свои дома как убежища для избиваемых... Упившись кровью своих жертв, солдаты Эмихо двинулись дальше, прибегнув из суеверия к величайшей нелепице: впереди войска они поставили козу и гуся, видя в этих тварях нечто божественное и почитая их за своих предводителей! Люди разбегались при виде этого зрелища. Впрочем, ни гусь, ни коза не спасли «поборников Креста». Проходя по равнинам Венгрии и встретив сопротивление, они рассчитывали поступить с венграми, как до этого поступили с евреями. Но при осаде одного города они были наголову разбиты осажденными, а остатки их армии испытали ту же участь в Болгарии. Очень немногим удалось избежать смерти; часть из них вернулась на родину, где была встречена насмешками, часть добралась до Константинополя и влилась в армию Петра.

Стотысячная армия под стенами Царьграда недолго сохраняла видимость дисциплины. Продовольствие, выданное по приказу императора Алексея, иссякло, и тогда обратились к испытанному средству – грабежу населения окрестностей. Желая избавить столицу от страшных соседей, Алексей дал им корабли для переправы через Босфор, и крестоносцы оказались в Малой Азии.

Как и следовало ожидать, несмотря на свою многочисленность, армия Петра Пустынника оказалась неспособной к войне с регулярными турецкими частями, тем более что сразу же начались распри между разными национальностями, входившими в ее состав. Под Никеей крестоносцы были почти начисто уничтожены; в битве пал и Вальтер Голяк, перед этим тщетно умолявший свое войско воздержаться от сражения. Что же касается Петра, то ему удалось бежать с поля боя и вернуться к Константинополю; но с этого времени он потерял всякий авторитет и почти исчез со страниц истории.

С ужасом и болью узнала Европа о судьбе своих передовых отрядов. Но те, кто следовал за ними, не пали духом и решили воспользоваться полученным уроком. И вскоре Запад увидел новые армии, несравненно лучше организованные и обустроенные, чем те, которые погибли на берегах Дуная и на равнинах Вифинии.

Вожди христианских армий, направлявшихся на Восток, были уже известны своими подвигами. Во главе их история и поэзия поставили Готфрида Бульонского, герцога Нижней Лотарингии. Связанный родством с династией Каролингов, он принял участие в борьбе между папой и императором, став на сторону непокорного Генриха IV, но потом раскаялся в этом и, желая замолить свой грех, решил отправиться в Иерусалим не как простой паломник, но как избавитель. История, сохранившая его портрет, говорит, что он соединял храбрость и добродетели героя с простотой монаха. Его подвижность и ловкость в боях в сочетании с необыкновенной физической силой изумляли войско. Благоразумие и умеренность смягчали его мужество; набожность его была искренна и бескорытна, и никогда на поле боя он не бесчестил победу бесполезной резней. Верный данному слову, щедрый, исполненный человеколюбия, он был образцом для князей и рыцарей, отцом для солдат, опорой для народа; каждый считал для себя счастьем сражаться под его знаменем. Если он и не был формально главой Крестового

похода, то, во всяком случае, приобрел власть моральную, и в своих расприх бароны и рыцари часто доверялись его мудрости, в войне же советы его были, что приказания полновластного государя.

По знаку Готфрида дворянство Франции и прирейнских областей пустило свои сокровища на приготовление к походу. Жены и матери расставались с драгоценностями, чтобы снарядить мужа или сына; и даже отъявленные скряги продавали поместья, чтобы купить оружие.

Те, кому нечего было продать, обратились к вассалам, не участвовавшим в походе; иные разоряли своих подданных, иные грабили соседние города и местечки, лишь бы добыть средства на войну. Были случаи, когда бароны закладывали феоды богатым прелатам, что дало возможность историку заметить, будто светские князья разорились за дело Иисуса Христа, а князья Церкви на этом же обогатились.

Герцог Бульонский собрал восемьдесят тысяч пеших солдат и десять тысяч конных. Выступив в поход через восемь месяцев после Клермонского собора, он взял с собой братьев Евстахия и Балдуина, а также кузена, носившего то же имя, и еще добрый десяток представителей титулованной знати; каждый из них вел за собой свиту рыцарей менее известных, но столь же пылавших нетерпением увеличить свои феоды и прославить имя. Эта армия выглядела совершенно иначе, чем войско Петра Пустынника; она ничем не замарала себя в землях, которые проходила, везде встречая союз и поддержку.

Пока герцог Лотарингский приближался к Константинополю, во Франции набирались другие армии. В те годы власть Капетингов, со всех сторон теснимых вассалами, оставалась крайне слабой; к тому же король Филипп I был отлучен папой от Церкви. Поэтому сбор феодалов в далекий поход, оттягивая силы, мешавшие централизации, явился благом для Франции. Конечно, эти соображения, высказанные позднейшими историками, отнюдь не руководили принявшими Крест: французские феодалы, как и их лотарингские собратья, думали лишь о своей выгоде и славе, сверх того подчиняясь различным чудесным видениям, которых тогда так много случалось. Впрочем, материальная выгода руководила не всеми. Граф Гуго Вермандуа, брат Филиппа I, молодой принц, возглавивший дворянство севера страны и изумлявший своей доблестью, не стремился нажить богатство, и если он даже не заслужил подвигами прозвища Великий, которое дала ему история, то вполне оправдал его бескорыстием в войне, где честолюбие князей и рыцарей искало только земель и власти.

Из Нормандии вел своих вассалов старший сын Вильгельма Завоевателя Роберт, соединявший в себе благородные качества с пороками, весьма предосудительными для государя. Его ветреность, непостоянство, слабость сделали его ненавистным для подданных. Разорив себя и народ излишней расточительностью, он дошел до уровня нищего и, как свидетельствует молва, целыми днями лежал в постели, не имея костюма достойного, чтобы идти к обедне. Вследствие отсутствия средств на военные издержки он оказался вынужденным заложить герцогство Нормандию своему брату, Вильгельму Рыжему.

Граф Роберт Фландрский, сын упомянутого выше Роберта, ходившего ради отмаливания своих грехов в Иерусалим, легко нашел воинов в стране, где междоусобия были нормой и где народ воодушевлялся массой паломников, вернувшихся из Святой земли. Граф истощил вконец свою казну, но зато приобрел славу неустрашимого рыцаря и прозвище Копье и меч христиан.

Стефан, граф Блуа и Шартра, богатейший владетель, имевший столько же замков, сколько дней в году, также взял Крест. Это был князь красноречивый и умудренный науками, что считалось редкостью. Но, чересчур изнеженный воспитанием и богатством, он пренебрегал рыцарскими упражнениями и прелесть спокойной жизни предпочитал военным опасностям.

Этим четверым вождам также сопутствовала масса рыцарей и знати, среди которых были такие отважные воины, как Роберт Парижский или Одон, епископ Байе, дядя герцога Нормандского. Большая часть их везла с собой жен, детей и обширный багаж.

Движение французских крестоносцев не могло оставить равнодушными итальянцев. Первым среди них подал голос Боэмунд, князь Тарентский. Выходец из нормандских завоевателей Апулии и Калабрии, сын неугомонного Роберта Гискара, он не уступал отцу ни в мужестве, ни в коварстве. Внешность его и привлекала, и поражала: рост Боэмунда на целый локоть превышал самых высоких из его рыцарей, а голубые глаза князя сверкали то гордостью, то гневом. Когда он говорил, казалось, слушаешь оратора, когда вступал в битву, – выглядел богом войны. Превосходно владея собой, он умел таить хитрость политика и скрывать обиду, если немедленное мщение было невозможно. Все, что могло служить его замыслам, казалось ему справедливым. У отца наследовал он свойство считать врагами тех, чьи богатства и сила возбуждали зависть, и тут его не могли удержать ни страх Божий, ни людское мнение, ни собственные клятвы. Следуя за Гискаром в войне против Алексея Комнина, он отличился в нескольких сражениях, но был лишен наследства, вследствие чего объявил войну своему старшему брату Роджеру и уже было отвоевал у него княжество Тарентское, когда услышал о подготовке похода на Восток. Не мысли о Гробе Господнем зажгли Боэмунда; поклявшись в вечной вражде к византийским императорам, он радовался при одной мысли, что станет проходить через их державу с войском; и уверенный в своей фортуне, он надеялся приобрести царство еще до прибытия в Иерусалим. Армию Боэмунд набрал быстро. Никто лучше его не мог скрыть честолюбие под маской преданности вере. Набожнейшим из ратников он твердил о защите религии; перед остальными восхвалял славу и богатство, увенчающие их подвиги. Когда солдаты провозгласили его вождем, он для виду отнекивался, словно колебался принять это звание; тем более всеобщим стал восторг, когда он дал согласие. Не мешкая, новый вождь отплывает к берегам Греции, имея десятитысячную конницу и в два раза превосходившую ее численность пехоту. За ним следуют наиболее прославленные рыцари Калабрии, Апулии и Сицилии, в числе их – племянник Боэмунда, легендарный Танкред.

Хотя этот рыцарь и принадлежал к фамилии, где честолюбие было наследственным, он не имел более сильной страсти, чем желание биться с врагами Христа. Набожность, поиск славы защитника веры и еще, может быть, дружба с Боэмундом вели его в Азию. Современники изумлялись его романтической гордости и благородству, исполненному суровости. Он служил лишь добродетели и иногда красоте. Чуждый соображений политики, он не знал других законов, кроме религии и чести, и за них был готов отдать жизнь. Летописи рыцарства и поэзии, соединившись для его прославления, сумели воздать ему равные похвалы.

К этому времени поднялись и крестоносцы Южной Франции. Они выступили под руководством упоминавшегося выше Адемара де Монтейля и Раймунда, графа Тулузского. Епископ Адемар в качестве папского легата был как бы духовным вождем похода. Его увещевания и советы много способствовали установлению порядка и дисциплины в войске крестоносцев. Священник, облаченный в рыцарские доспехи, он представлял образец христианских добродетелей, а в сражениях часто являл образец мужества.

Раймунд, соратник Адемара, некогда бился в Испании рядом с Сидом и одержал не одну победу над маврами под начальством Альфонса Великого, отдавшего за него дочь Эльвиру, которая нынче вместе с сыном сопровождала супруга. Его обширные владения вдоль Роны и Дордони, равно как и подвиги против сарацинов явно выделяли его среди других вождей. Годы не погасили в графе Тулузском огня и страстей юности: вспыльчивый и резкий, характера гордого и непреклонного, он стремился каждого подчинить своей воле. Византийцы и сарацины хвалили его неустрашимость; подданные и соратники ненавидели его упрямство и жестокость. Отправляясь в поход, Раймунд не предполагал, что навеки прощается с родным краем, которому предстояло стать ареной борьбы под знаком креста против его собственного семейства.

Раймунду и Адемару сопутствовало многочисленное дворянство Гаскони и Лангедока, в том числе графы Руссильонский, Оранский, де Фуа и д'Альбре, виконты Кастильон и де

Тюрени, а также епископы Орана, Лодева и Толедо. Войско Раймунда, насчитывавшее до ста тысяч крестоносцев, переправилось через Рону у Лиона и, пройдя Альпы, Ломбардию и Фриуль, направилось к пределам Византии.

Алексей Комнин, дела которого к этому времени несколько поправились, узнав о приближении крестоносных армий, почувствовал себя в весьма затруднительном положении. Некогда призывавший людей Запада для своей защиты, он был напуган их многочисленностью. Особенно страшился он Боэмунда, которого знал по прошлым битвам. И теперь задавал себе вопрос: а не окажутся ли его «спасители» еще более страшными врагами, чем турки? Монарх слабый и суеверный, Алексей привык действовать хитростью и обманом. Он отправил послов приветствовать вождей крестоносцев и одновременно готовил войска к нападению на них. Чтобы обезвредить западных князей, император решил заключить с ними договор, по которому они обязались бы признать его власть и стать вассалами Византии по тем землям, которые будут завоеваны на Востоке. Готфрид Бульонский вначале категорически отказался. Тогда Алексей оставил крестоносцев без продовольствия и окружил их лагерь солдатами. Пришлось смириться. На этом условии Готфрида впустили в Константинополь, император усыновил его и обещал помощь и поддержку в течение всего похода.

1097 г.

Боэмунд, прибывший вслед за Готфридом, после умасливания и щедрых подарков Алексея также согласился на присягу, заранее зная, что соблюдать ее все равно не будет. Дали вассальную клятву и другие вожди, за исключением Танкреда, не пожелавшего связывать себя какими бы то ни было обязательствами. Во время церемонии присяги произошел инцидент, неприятно поразивший Алексея. Согласно ритуалу, крестоносцы давали клятву стоя на коленях перед троном. И вот граф Парижский неожиданно поднялся и, к ужасу всего византийского двора, сел рядом с императором. В замешательстве Алексей не знал, как реагировать на этот поступок. На помощь ему пришел один из князей, ставивший оскорбителя с трона со словами: «Неужели вам непонятно, что нужно уважать чужие обычаи!» На что граф, не смутившись, ответил: «Ничего себе обычаи! Этот олух будет восседать, а столько знаменитых полководцев коленопреклоненно стоять перед ним!..» Императору очень не понравился подобный вызов и, во избежание других эксцессов, он поспешил переправить крестоносцев на азиатский берег Босфора.

Проходя по равнинам Вифинии, крестоносцы с грустью созерцали останки разгромленной армии Петра Пустынника. Повсюду валялись человеческие кости, лоскутья знамен, сломанные дротики, изъеденные ржавчиной осколки панцирей и кольчуг. К ним сбегались изнуренные, едва прикрытые лохмотьями люди – те немногие «счастливы», которым удалось спастись от побоища. Вид этих несчастных, рассказы об их бедствиях вызывали слезы, смешанные с чувством негодования и жаждой мести. Вожди решили использовать полученный урок в целях укрепления дисциплины. Объединенная армия крестоносцев в полном боевом порядке подошла к Никее.

Хотя империя сельджуков и распалась на отдельные части, но каждая из них обладала достаточным могуществом, чтобы противостоять западным воинам. Та территория, по которой они продвигались, входила в состав грозного Римского султаната, простиравшегося от Оронта и Евфрата до окрестностей Босфора. Его властителем был сын Сулеймана Давид, прозванный Килидж-Арсланом, что значит «Львиный Меч». Превосходивший храбростью отца, он обладал одновременно умением приспосабливаться к обстоятельствам. Собрав внушительные силы со всей Малой Азии и даже из Ирана, он занялся укреплением своей столицы Никеи, которой предстояло первой принять удар крестоносцев. Город-крепость, окруженный со всех сторон глубоким ровом и двойными стенами, ширина которых позволяла проехать колеснице, имел

триста семьдесят башен и отборный гарнизон. Сам же султан с армией в сто тысяч бойцов расположился у смежных гор.

Армия крестоносцев, имевшая сто тысяч конных и пятьсот тысяч пеших воинов, стала лагерем на равнине близ города. Каждая нация выбрала себе участок и обнесла его стеной либо частоколом. Князья и рыцари, каждый на своем участке, выставили баньеры² с геральдическими символами, группировавшими их отряды; такие же символы красовались на их щитах. По идее всеми операциями должен был руководить совет князей; в действительности же каждый полководец самостоятельно распоряжался своими войсками, вследствие чего христианская армия представляла как бы подобие вооруженной республики. Эта грозная республика не признавала иного закона, кроме чести, и взаимодействие между ее отдельными частями поддерживалось исключительно верой.

Осада уже началась, когда Килидж-Арслан попытался внезапным ударом смять и уничтожить крестоносцев. Спустившись с гор, он половину своей армии бросил на лагерь Готфрида, другую же направил против Раймунда. Почти двое суток продолжалась жаркая сеча; христиане, потеряв две тысячи бойцов, остались победителями; сарацины, оставив на поле боя в два раза больше, бежали собирать новые силы, дав возможность ратникам Христовым возобновить борьбу за Никею.

Рыцари, хотя и пользовались осадными машинами, поначалу действовали без всякого порядка и осмотрительности, вследствие чего несли большие потери. Но постепенно они освоились, и стороны начали меняться местами: упорство нападавших усилилось, в то время как сопротивление никейцев слабело.

Семь недель продолжалась осада, когда осаждавшие заметили, что враг пополняет свои потери за счет подвоза водой, через Асканское озеро. Не теряя времени, послали за лодками; их за одну ночь переправили посуху, и на следующий день, к изумлению осажденных, озеро покрылось флотилией крестоносцев. Защитники города пришли в уныние, и победа латинян казалась близкой, но коварство византийцев ее внезапно отняло.

Среди крестоносцев находились два отряда под начальством воевод императора Алексея. И вот накануне падения Никеи один из византийских офицеров тайно пробрался в город и предложил мусульманам подчиниться власти константинопольского императора, намекнув, что для них это единственное средство избежать жестокой мести крестоносцев. Ему поверили, и вскоре, к великому изумлению и гневу рыцарей Готфрида и Боэмунда, на башнях Никеи взвились знамена Алексея. Мало того. Именно теперь император под угрозой прекращения материальной помощи крестоносцам потребовал личной присяги Танкреда, до сих пор уклонявшегося от этого, и храбрый рыцарь после уговоров Боэмунда и других вождей согласился быть верным византийскому императору до тех пор, пока тот останется верным общему делу. Все это, однако, не содействовало улучшению отношений греков и латинян; напротив, скрытая взаимная неприязнь лишь усилилась, превратившись в ненависть и проложив непроходимую пропасть между ними.

Год прошел с тех пор, как крестоносцы покинули Запад. Теперь перед ними лежала незнакомая страна, населенная враждебными племенами, почти лишенная дорог, полная препятствий и ловушек. Недостаток воды и продовольствия заставил вождей разделить свою армию на два корпуса. Один из них, который возглавили Готфрид, Раймунд Тулузский и Роберт Фландрский, двинулся вдоль Дорилейской равнины, другой, предводительствуемый Боэмундом, Танкредом и герцогом Нормандским, направляясь к тому же городу Дорилее, избрал более северный путь через долину Горгоны. Здесь-то его и подстерегала засада.

² Баньера – маленький прямоугольный флажок с несколькими острыми концами, который чаще всего крепился к верхней части древка копья сеньора (вассал имел право на узкий треугольный флажок, окрашенный в цвета сеньора). – *Примеч. ред.*

После неудачи под Никеей Килидж-Арслан, собрав новые силы, внимательно следил за движением врага, отыскивая его наиболее уязвимое место. Между тем, несмотря на предупреждения греческих проводников, воины Боэмунда и Танкреда вели себя довольно беспечно и не хотели верить в опасность. Утром 1 июля они были внезапно атакованы сарацинами. Тщетно Боэмунд попытался укрепить свой лагерь, желая обезопасить детей и женщин; Килидж-Арслан прорвал оборону крестоносцев, разгромил их лагерь, и началась серия ужасных схваток, в которых христиане не могли устоять перед превосходившими силами врага, тем более что сарацины применяли тактику боя, незнакомую европейцам: они молниеносно нападали, встретив препятствие, быстро откатывались, но тут же снова нападали, осыпая противника тучей стрел. Лошади под многими рыцарями вскоре оказались убитыми; был полностью уничтожен отряд графа Роберта Парижского, и сам храбрец, недавно оспаривавший трон императора Алексея, получил смертельную рану. Боэмунд и герцог Нормандский мужественно продолжали сражаться, но силы их были на исходе, и полное торжество мусульман, казалось, обеспечено. И вдруг в последний момент поле боя огласилось радостными криками: вдали показалась кавалькада рыцарей, чьи панцири и щиты ярко сверкали на солнце. То был корпус Готфрида Бульонского, своевременно узнавшего о беде и поспешившего на помощь единоверцам. Теперь чаши весов переместились, и коварному Килидж-Арслану, потерявшему более двадцати тысяч бойцов, пришлось снова искать спасения в бегстве, причем крестоносцы овладели его богатым лагерем. Гордые своей победой, они весь вечер бражничали и наряжались в шелка и богатые доспехи, захваченные у мусульман.

После битвы при Дорилее крестоносцы решили больше не дробить своих сил и вскоре испытали весь ужас бесконечного марша по чужой, палимой зноем стране. Отступая, турки разоряли места, которых не могли защитить, отравляли источники, увозили или истребляли продовольствие. Только войдя в пределы Писидии, крестоносцы вздохнули свободнее: тут оказались тучные пастбища, чистые водоемы и селения, не разграбленные врагом. Антиохетта, столица Писидии, гостеприимно открыла свои ворота и дала рыцарям кратковременный отдых. Однако именно в это время они едва не потеряли своих главных вождей: Раймунд Тулузский был сражен тяжелой болезнью, а Готфрид, защищая одного из крестоносцев, на которого напал медведь, получил страшную рану в бедро, лишившую его возможности самостоятельно передвигаться. Вследствие этого обоих пострадавших на протяжении нескольких последующих недель пришлось нести вслед за войском на руках. К этому бедствию вскоре прибавилось и другое.

При выходе из Антиохетты было решено послать вперед отряды Танкреда и Балдуина, брата Готфрида Бульонского; они должны были разведать общую обстановку и положение сил мусульман. Танкред со своими итальянцами беспрепятственно прошел Ликаонию и достиг Киликии. Подойдя к Тарсу, родине святого Павла, он объявил город своей добычей и приказал водрузить на его башне свое знамя. Вскоре сюда же прибыл Балдуин и, мотивируя тем, что его отряд многочисленнее, а сам он главнее, после утешения горожан приказал сбросить знамя Танкреда в ров и заменить своим. Итальянскому герою с трудом удалось остановить возмущение своих солдат и уговорить их, бросив Таре, двинуться дальше. Вслед за этим произошло еще одно событие, граничащее с преступлением. К Тарсу подошли триста рыцарей, посланные Боэмундом на помощь Танкреду. Но Балдуин не впустил их в город, заставив ночевать в открытом поле, где они были изрублены мусульманами. Когда на следующее утро об этом стало известно в городе, рыцари Балдуина, возмущенные поведением своего начальника, едва не расправились с ним, но он сумел ловко повернуть их ярость, обратив ее против мусульман, проживавших в городе, которые и были полностью истреблены. Что же касается войска Балдуина, то в ходе всех этих перипетий оно не только не понесло урона, но и значительно увеличилось: фламандские и голландские корсары, действовавшие в этих местах, прослышав о походе христиан, собрались в гавани Тарса и, приняв Крест, дали клятву служить брату Готфрида.

Между тем Танкред со своим войском подошел к городу Мальмистре и без труда овладел им. Но Балдуин, следовавший за ним по пятам, и здесь захотел взять пальму первенства. Танкред, не пожелав без конца ему уступать, вывел свои войска из города, и завязалось кровопролитное сражение. Рыцари Балдуина, более многочисленные, вышли победителями, и итальянскому герою, который едва не плакал от обиды, вновь пришлось подчиниться. Дело не изменилось от того, что Балдуин, разыгрывая сцену примирения и заключив в объятия соперника, поклялся забыть ссору и загладить пролитую кровь собратьев новыми подвигами против мусульман. Танкред был вынужден оставить Мальмистру и, пройдя побережье Киликии, частично компенсировать свои неудачи завоеванием города Александретты.

Поведение Балдуина вызвало резкие порицания вождей, руководивших основными силами. Сам Готфрид во всеуслышание осудил своего брата, повинного в смерти стольких славных рыцарей. Но все эти упреки лишь взбеленили авантюриста, вошедшего во вкус, и он решил, порвав со своими товарищами, самостоятельно продолжать завоевания всецело в свою пользу. Смерть его супруги, произошедшая в эту пору, произвела на него впечатление не большее, чем уговоры товарищей; решение уже было принято. Вступив в тайный сговор с неким армянским князем, Балдуин, располагая всего лишь тысячей воинов, двинулся в район Тигра и Евфрата. Марш его был успешным, и вскоре он очутился у города Эдессы.

Эдесса, столица Месопотамии, сумела избежать турецкого завоевания. За ее прочными стенами укрылись многочисленные христиане окрестных земель вместе со своими богатствами. Город возглавлял греческий наместник, плативший дань сарацинам. Слухи о победах крестоносцев воодушевили жителей города; Балдуин воспользовался этим. Играя на чувствах горожан, он охотно согласился на их призыв, вошел в доверие к наместнику, который его усыновил и которого он затем коварно предал, и стал в конце концов единовластным князем Эдессы. В короткое время он увеличил свои владения покупками и захватами, а также выгодной женитьбой на дочери соседнего князя, после чего власть его распространилась на всю Месопотамию.

Теперь Балдуин больше и не помышлял об освобождении Иерусалима. Но его княжество, явившееся плодом несправедливости и насилия, было призвано историей сыграть важную роль в последующих событиях: вплоть до Второго крестового похода оно оставалось щитом против мусульман и послужило первым оплотом могущества крестоносцев на Востоке.

Книга III. Первый крестовый поход: Антиохия (1097–1098)

1097 г.

Владения Никейского и Ионийского султана остались позади. Продвигаясь на юго-восток, армия крестоносцев усердно жгла мечети или превращала их в церкви; но никто и не подумал о том, чтобы укрепить проходимые города, выставить в них гарнизоны и сохранить коммуникации. Упоенные своими триумфами, воины Христовы не заботились об оставшемся в тылу, о том, что турки могут сомкнуться за их спинами и вновь восстановить свое могущество, о том, наконец, что лишают себя возможности доставки продовольствия и снаряжения с Запада и из Византии.

Трудности пути не уменьшались. Особенно тяжело дался переход через Тавр по узким тропам, где пешеходы едва удерживались, а лошади часто летели в пропасть. Только спустившись с гор, измученные и обессиленные, крестоносцы увидели просторы Сирии с ее цветущими городами, и зрелище это придало им бодрости, тем более что они знали: неподалеку отсюда должна лежать и вожденная Палестина. С боем перейдя мост через Оронт, рыцари Готфрида и Боэмунда разбили лагерь в миле от города Антиохии, который отныне на долгое время приковал их внимание.

Вид этого города прежде всего оживил их набожный пыл. Антиохия, в стенах которой ученики Христа впервые приняли имя христиан, где подвизалось столько мучеников и учителей новой веры, для пилигримов была вторым по значению объектом поклонения после Иерусалима. Вместе с тем Антиохия не зря величалась «царицей Востока». Весьма выгодно расположенная в пересеченной местности, покрытой пышной растительностью, среди озер и источников, она привлекала своими богатствами, но одновременно пугала мощными укреплениями. На холме в центре города стоял неприступный кремль. Стены, опоясывающие город, насчитывали триста шестьдесят башен. Широкие рвы, река Оронт, топкие болота, казалось, делали невозможным подступ к городу. Обороной Антиохии руководил грозный Аксиан, внук Малик-Шаха, запершийся в крепости с семью тысячами конных и двадцатью тысячами пеших воинов; к ним добавилось множество мусульман из соседних мест, укрывшихся вместе со своими семьями и сокровищами за стенами города при первых слухах о приближении крестоносцев.

Перед вождями похода сразу же во весь рост встала проблема: что делать дальше? Конечно же, оставлять такую крепость в тылу было невозможно. Однако приближались холода. По мысли иных начинать осаду накануне зимы казалось неразумным. Не лучше ли было, расположившись в удобных местах, дожидаться весны и прихода единомышленников с Запада, а также обещанной помощи императора Алексея? Но большинство во главе с Готфридом Бульонским отвергли этот план. Герцог Лотарингский, а с ним и папский легат Адемар полагали, что нужно незамедлительно использовать недавние победы и страх, навеянный ими на врага, не давая ему опомниться. Что касается помощи с Запада, то она эфемерна: эффект ее будет невелик, а вновь прибывшие наверняка пожелают примазаться к боевой славе крестоносцев, не разделив их прежних опасностей и трудов. Что же до боязни холода и голода, то об этом смешно говорить воинам, уже выдержавшим такие суровые испытания; быстрая победа над врагом и взятие города с лихвой покроют все издержки, дав в изобилии необходимое для продолжения похода. Логика этих доводов победила, и рыцари решили начать борьбу за город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.